

ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ

ПРОКЛЯТИЕ ЧЕРНОГО СПИДА

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

18+

Ульяна Павловна Соболева

Проклятие Черного Аспида

(полная версия из двух частей)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64003501
SelfPub; 2021*

Аннотация

Полная версия из двух частей. Арина – студентка из провинции, знакомится с девушкой Лизой из очень богатой семьи, они становятся лучшими подругами. В разгар одной из вечеринок в доме Лизы Арине становится плохо, а когда она приходит в себя, то оказывается, что ее похитили и не просто похитили, а отдали на откуп царю Преисподней. Она, девушка из мегаполиса, попала совсем в иной мир, где царит беззаконие и хаос. И с этого момента нет у нее больше ни дома, ни имени, ни прошлого, и должна она стать, как и многие другие до нее, «невестой» жестокого царя Нави – Вия. И не сбежать, не скрыться от злой судьбы и от смерти неминуемой... особенно если в сопровождающих у девушки брат царя и лучший из его воинов – Черный Аспид. Предупреждение!!! Строго 18+. Сказка взрослая, имеются сцены жестокости и откровенные сцены секса. Бестиарий у автора безобразничает так, как хочет того сам автор.

Содержание

Глоссарий	4
Часть 1	6
Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	48
Глава 5	63
Глава 6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ульяна Соболева

Проклятие Черного Аспида (полная версия из двух частей)

Глоссарий

Навь – Преисподняя

Явь – Наш мир (реальность)

Межземелье – приграничные земли, отделяющие Явь от
Нави

Вий – сын дракона Чернобога (Сварога) наследник трона.
Красный дракон смерти.

Ниян – брат его родной имеет две сущности драконью и
змеиную. Черный Аспид. Воин. Доставляет избранныц Вию.

Мракомир – родной брат Чернобога проклят и изгнан за
колдовство и восстание против царя.

Волхв Лукьян – жрец, колдун имеет сущность ястреба.
Открывает вторые врата в Навь. Повелевает четырьмя сти-
хиями.

Врожка – оруженосец Нияна имеет свою тайну.

Лихо – одноглазый царь лесной. Открывает первые врата

в Навь.

Пелагея – ведьма умеет обращаться в зверей.

Ядвига – сестра Мракомира, проклятая им и околдованная (Яга). Открывает третьи врата в Навь.

Мракомир – царь мира мертвых казнен и похоронен там, где никто не знает. Умел повелевать мертвецами, поднял армию против Сварога.

Властибор (водяной) – царь водной стихии. Враждует с драконами. Повелевает водным миром.

Часть 1

Пролог

*Лиха не ведала,
глаз от беды не прятала.
Быть тебе, девица,
нашей – сама виноватая!
Над поляною хмарь —
Там змеиный ждет царь,
За него ты просватана.*

Невеста полоза. Мельница

Дракон Смерти – царь змей и ящеров ползучих да летучих. Жил он со своей свитой за горами в море-океане и каждую весну забирал себе невесту из семей должников своих.

По поверью, коли одолеет люд мор жестокий и нищета, следует плыть океаном, искать Драконий Остров и просить милости у царя змеиного. Поутру ждут просящих богатства несметные. Но расплата рано или поздно нагрянет. Если родится в семье должника девочка, то, спустя восемнадцать весен, найдет она в воде перстень янтарный и, взяв дар драконий, станет невестой его, заберет деву Черный Аспид, верный страж Дракона, в подземное царство, а что ждет там ее,

неизвестно: то ли счастье неземное, то ли смерть лютая.

* * *

Он бежал. Бежал быстро, спотыкаясь и оглядываясь назад. Ему казалось, его преследует нечто жуткое, черное, необратимое, как сама смерть. Земля содрогается, и в ушах свистит, словно воздух рассекает тонкая сталь, цепляя кончиком напряженные до предела нервы. Мужчина прячет за пазухой узел, сверкают в его прорезях камня драгоценные, и сыплются на землю монеты золотые, переливаются при свете звезд и месяца. Ему бы успеть до корабля добежать и отплыть из места этого проклятого. Сам не знал, как оказался здесь. Не иначе как нечистая сила заманила. Он слышал голоса русалочки, певучие. Звали его к себе. Или казалось ему. Но заплыл сюда, сам не ведал как. Место незнакомое, ни на одной старой карте нет его, и не слыхивал никто. И рыскал князь по берегу, пока в ущелье не забрел и сокровища не увидел. Горы целые. Перед глазами хоромы новые промелькнули, шелка да жемчуга, откуп бусурманам проклятым, новое войско и признание бояр и купцов.

Нагреб князь драгоценных камней и золота, сколько руки унести могли. И кинулся прочь из ущелья, но едва вышел на свет, как обмер от ужаса. Земля волной морской вздыбилась вокруг него, плюется грязью в разные стороны, словно сама

Навь¹ рвется наружу из ее недр вместе с языками пламени.

Содрогнулось все вокруг, и жуткая огромная чешуйчатая голова взвилась ввысь на длинной мощной шее, покрытой иглами костяными, а черные перепончатые крылья чудища закрыли весь небосклон, одним взмахом выкорчевывая деревья и отшвыривая князя, как сошку, назад к ущелью на самые камни. Он уже думал, смерть свою встретил. Глаза зажмурил и богам взмолился. Ничего ужаснее в жизни своей не встречал. Серой воздух провонял, и чешуя зверя невиданного отливала на свету переливами из аспидно-черного в темно-синий. Зверь голову жуткую к князю склонил и зашипел, как змея, совсем рядом, так, что ноги задрожали, и по коже рябь ужаса прокатилась, поднимая дыбом каждый волосок. И вспомнилась ему легенда о золоте Драконьем и страже его верном – Черном Аспиде. Страшно стало до обморока и липких от пота ладоней. Неужто правда все, и он Драконьи острова нашел?

Так и стоял, прижимая к себе узел и не решаясь даже веки распахнуть, пока голос у себя в голове не услышал:

«Бери, сколько унесешь. Хоть все забирай. Но за долгом я приду потом!»

Страшный голос. Он изнутри вьется, как хвост монстра вокруг ног князя, в мозгах паутиной черной разрастается, заставляя чувствовать, как все сжимается от тоски неведомой, как вся радость покидает тело и душу, чтобы никогда

¹ Навь – преисподняя, ад.

не вернуться обратно. Кивал князь головой, не смея слова сказать, и драгоценности не выпускал из дрожащих рук.

«А можешь все здесь оставить — живым дам уйти, и дорогу сюда забудешь, словно не видел никогда».

Но мужчина вцепился в узел и прижал к груди, все еще жмурясь и не решаясь взглянуть на аспида.

«Жди меня и готовься, смертный. Я приду за дочерью твоей младшей, когда время настанет. А пока купайся в богатстве и роскоши. Вся власть этого мира к ногам твоим упадет, только радости ты больше никогда не испытаешь. Ни радости, ни счастья».

Не испугала угроза князя — детей у него не было. За все годы супруга ни разу не понесла. Каким только богам не молились и шаманам не платили, да лекарям заморским. Думал, легко отделается от твари.

«Да кому оно надо, счастье-то, с такими сокровищами!».

Прошептал князь и веки приоткрыл. Тут же вскрикнул и пошатнулся — прямо перед лицом его глаз драконий. Смотрит не моргая. Душу всю вытягивая. Янтарно-желтые глаза змеиные с тонкой полоской зрачка посередине затягивают во мрак. А в полоске — отражение самого мужчины, и золото поблескивает всполохами. Несмотря на цвет диковинный огненный, холодом смертельным повеяло, и кровь в жилах князя заледенела.

«Беги, смертный, пока не передумал я!» — побежал он, спотыкаясь, к берегу, и назад не оглядываясь. Поутру

проснулся князь уже на корабле своем далеко в море. Солнце жжет лицо, и небо пронзительно-синее сверкает над головой. Думал, приснилось ему все и привиделось. Только узел развязался, и драгоценности по палубе рассыпались. Как домой вернулся, оказывается, почти год отсутствовал, а в его отсутствие родила жена двойню. Мальчика и девочку... мальчик сразу после родов умер, а девочка – вся в мать, красавица дивная с глазами небесного цвета... С тех пор князь научился улыбаться и радоваться.

Глава 1

*С тех пор, как сумрак настал,
Ты так безмятежно спал,
И шёл в страну своих снов.
А мой не сложился путь,
Никак не могла уснуть,
Всю ночь смотрела в окно.
Холодный ветер подул
И много смёл в пустоту
Беспомощных спящих тел,
Разрушил мир, разобрал,
Развеял и разметал,
И делал, всё, что хотел.*

*Холодный ветер стирает всё,
И весь наш мир в пустоту снесён,
И ни при чём здесь ни тьма, ни свет,
Взойдёт ли солнце, раз неба нет?*

Флёр

Паника – самое отвратительное чувство, которое может испытать человек. Она оглушает своей необратимой тоскливой липкостью, когда кажется, что даже сама смерть стала бы избавлением. И я чувствую, как она забивается в меня повсюду, просачивается сквозь грубую мешковину, надетую на голову, оборачивается вокруг веревок на запястьях и на щиколотках, обжигает босые ноги, ступающие по подтаявшему

снегу. Словно вода ледяная замораживает все тело не только мартовским холодом, но и суеверным ужасом перед какой-то обреченной неизбежностью. Это сон. Просто страшный сон, и я скоро проснусь. Открою глаза и пойму, что утро уже за окном, и не было ничего.

Меня толкают в спину грубо и больно. Межу лопаток бьют чем-то острым, и я понимаю, что все же это не сон. Боль и ужас слишком реальны. Спотыкаюсь о комья мерзлой земли. Куда ведут меня? Зачем я им? Где мы, и кто они такие? Эти вопросы с ума сводят и заставляют задыхаться в истерическом припадке ужаса.

– Пошла! Шевелись давай!

Кто-то хватается за затылок и, нагибая к земле, толкает вперед так сильно, что я падаю на колени и лицом вниз в подтаивший снег. В нос ударил запах сырости и близость водоема. Я молила про себя Всевышнего лишь об одном: «только не в воду, пожалуйста, только не в воду». Все что угодно, но не вода.

Больше всего я боялась именно этого. Упасть в ледяную бездну и, хватая противные солоноватые глотки с привкусом крови белыми губами, задыхаться, и сходить с ума от адской боли, разрывающей легкие. Словно знаю, каково это – тонуть. Этот страх уходил корнями в самое детство, в самые недра памяти, где царила непроглядная вязко-грязная тьма неизвестности. Иногда мне казалось, что окружающий меня мир всего лишь иллюзия, а на самом деле ни его, ни меня

не существует. Особенно после того, как начала видеть во сне монстра с янтарными глазами, притаившегося в черноте беззвездной ночи.

Чья-то тяжелая рука подняла за волосы с колен и тряхнула в воздухе так, что из глаз искры посыпались. Как вещь или мешок с ветошью. Стало страшно, что швырнет обратно на землю, и я раскрошусь на части от силы удара. Совсем рядом послышался плеск воды, и я вздрогнула от испуга, а от холода зуб на зуб не попадал. Своих ступней я не чувствовала уже давно, как и ладоней с кончиками пальцев. Но ублюдкам, подгоняющим нас грубыми окриками, было плевать на это. Их было много, я слышала, очень много. Мне чудились или слышались женские голоса среди мужских.

– А она точно то, что нам надо? Кажется, Хозяин говорил, что у нее рыжие волосы.

О боже, кого в наше время еще называют «хозяином»? Это действительно страшный сон или жуткая шутка? Со мной не может все это происходить! Не можеет. Я не бездомная, я не шлюшка какая-то и не красавица писаная, как Лизка. Кому я нужна такая? Дочь алкоголички. Безотцовщина. За меня и выкуп не у кого просить. Разве что бутылками пустыми или тем, что мне самой собрать удалось – жалкие крохи на новые джинсы. А мать, поди, и имени моего уже не помнит. Перед глазами возникло перекошенное одутловатое лицо, испещрённое тонкими венками, со стеклянным взглядом светло-голубых глаз и приоткрытым ртом с мясистыми

губами. И в ушах взорвался хриплый крик, срывающийся на истерический визг:

«Гадина! Ленивая тварь! Учиться она собралась! А мать кто содержать будет? Я тебе патлы повыдергаю! Вали, давай! Шалава малолетняя! Будь ты проклята, мать бросать! Проклятаааа».

Вздрогнула, кусая губы до мяса и глотая слезы. Истинное проклятие – это воспоминания. Особенно когда тоска и время из недостойного родного человека все же высекают идола, по которому абсурдно и неправильно скучаешь до слез. Ищешь и выбираешь те самые крохи-минуточки, когда он был этих слёз достоин. Я ей деньги посылала и соседке звонила узнать, как там мать, но та сказала, что она все равно все пропивает, и я начала слать деньги бабе Тане, чтоб та ей хотя бы еду приносила. А теперь все внутри скрутилось в спираль ломаную – вдруг не увижу ее никогда больше? Вдруг умру я здесь и не скажу ей, что простила и любила ее всегда?

Где-то рядом слышались женские истошные крики. Да, я не одна жертва здесь. Поначалу это вроде обнадеживало, а сейчас пугало еще сильнее, потому что – какую власть нужно иметь, чтобы выкрасть столько девушек? А нас было немало. Я успела примерно мысленно посчитать голоса по стонам и рыданиям. Надежда на то, что меня найдут или вдруг появится полиция, таяла с каждой секундой. Куда они нас привезли? А может, они нас на органы пустят? Сколько людей сейчас пропадает по всему миру, и не находит никто. Са-

ма видела объявления на столбах и в интернете. Захотелось спрятаться, забиться в угол и маму звать, как в детстве, когда она, еще не настолько убитая алкоголем, обнимала и прятала мое лицо на своей мягкой груди, и шептала, что все это плохой, дурной сон. Все пройдет с первыми лучами солнца. Просто ночью все кажется намного страшнее. Это потом она начнет меня выгонять из дома то за водкой, то чтоб не мешала с хахалями кувыркаться.

С моей головы содрали мешок, и я задохнулась от ужаса, увидев людей с лицами в белых масках с прорезями и с факелами в руках. Повертела головой, всхлипнув от ужаса, все тело мелко задрожало – мы оказались на берегу реки, и мои глаза расширились, когда увидела несколько лодок, украшенных красными цветами (откуда только взяли в это время года?), качающихся на волнах. Неужели нас утопят?

О боже, я не знаю, что это могло быть. Не знаю, где я. Не знаю, за что. В который раз хотела закричать и не смогла. Они мне рот заклеили то ли скотчем, то ли какой-то липкой лентой. Получалось лишь мычать, но и за это толкали и били.

– Она. Насчет волос не знаю – у нее метка на теле. Как и у остальных. Может, мне еще в паспорт посмотреть? Нам за это не платят. Нашли-привезли-отдали. Все!

О чем они говорят? Какая метка? У меня нет никакой метки. Только татуировка, которая еще с детства на боку змеей вьется. Мать вечно говорила, что знать не знает, откуда она взялась. А я ее ненавидела еще сильнее, потому что понима-

ла — это она позволила одному из своих сожителей выбить ее на мне, когда я совсем крошкой была. Иного объяснения я этому не видела. Позволила, как и многое другое, лишь бы водку ей приносили. После того как последний раз продала за четвертак, я сбежала из дома. Вздогнула, когда лапища похитителя сомкнулась на шее, снова толкая вперед.

— Ну что? Начинаем? Первые лучи уже показались.

Оказывается, кошмары не исчезают утром... иногда в свете дня они принимают реальные цвета и очертания. Меня и других девушек потащили к лодкам. На каждой белая рубашка до колен с вышивками на рукавах и по подолу. Лица измазаны черными полосами на скулах, а на шее ожерелья из рябины. Люди в белых масках, так похожие на куклусклановцев, насильно укладывали нас в лодки, предварительно надев каждой венок из красных цветов с терпко-сладким удушливым запахом на голову и завязав веревку с камнем вокруг ног. Божеее! Боже мой! Это какая-то секта. При приближении к воде меня начала охватывать жуткая паника. Она лишила разума и заставила громко мычать и биться в руках больных психопатов, которые не обращали внимание на сопротивление и привязывали нас к продольным скамьям. И мозг на секунду прострелило жуткой догадкой — им это не впервой! Они это делают не впервой! Все движения четко выверены, как у роботов. Их лодки предназначены именно для такого ритуала. Теперь я видела сероватое утреннее небо в рваных облаках и другие лодки по сторонам от себя. Каза-

лось, это небо вот-вот упадет на меня, обрушится последним снегом. А на берегу толпа в масках – женщины и мужчины факелами из стороны в сторону ведут под звон бубенцов, которыми трясет один из них. Я медленно смотрю на каждого, и мне все еще кажется, что я в каком-то затяжном кошмаре. Сумасшедшие изверги! Нелюди!

– Снимите скотч. Он любит, когда они кричат.

С меня содрали скотч, но закричать уже не хотелось. От холода сводило все тело и отнимались конечности. Меня оттолкнули от берега, как и других девушек. Кто-то на берегу тоскливо затянул песню красивым грудным женским голосом.

* * *

*Как во по́ле, во поле́
Тройка резво скачет...
На коленях девица
Возле матери плачет:
Мамонька, ой, мамонька, —
Сердце тяжело стонет...
Неужели, мамонька,
Я такого стою?
Во чужой сторонушке,
Во землице дальней
Быть немилрой жёнушкой —*

Доли нет печальней.

Русская народная. Мамонька... ой, мамонька

Вспомнились старославянские свадебные обряды. Но легче не стало. Сердце болезненно колотилось в горле. Пар с воды поднимался вверх, постепенно скрывая с глаз берег и психов с факелами, напевающих ритуальную монотонную песню.

Голоса отдалялись все дальше и дальше, и на нас вместе с паром опускалась странная тишина. Вдалеке завывала собака, и по коже прошла волна мурашек. Кто-то из девушек плакал, а кто-то в голос молился и кричал. Я лежала молча, пока вдруг не почувствовала связанными у днища руками воду. Всхлипнула, давясь криком – лодки дырявые и на ногах камень. Мы все утонем! О, господииии! Они, и правда, нас топят... словно в жертву кому-то приносят.

Видимо, это поняла не только я, и раздались крики со всех сторон. Тяжело дыша, я пыталась освободиться от веревок, крутилась на скамье, глядя в небо, светлеющее с рассветом все больше и больше. Пока вдруг не застыла, содрогаясь от ужаса – вверху, в глубине облаков мелькнула огромная тень. Я дернула руками, чувствуя, как быстро прибывает вода в лодке.

Это сон. Это не может быть на самом деле... НЕ МОЖЕТ! Вверху расправило крылья огромное чудовище, оно летело вниз, прямо на нас, раззявив огромную зубастую пасть, изда-

вая пронзительный крик, от которого заложило уши и что-то лопнуло внутри, по шее потекло липкое и горячее – лопнули барабанные перепонки, отметила как-то равнодушно, тяжело дыша и глядя на жуткого монстра, летящего вниз. Его когтистые лапы то сжимались, то разжимались, и воздух со свистом рассекало словно тысячами стальных мечей. Казалось, он смотрит на меня и летит именно ко мне. Но черный дракон... Боже! Этого ведь нет на самом деле! Но он был! Был! И я его видела. Черный дракон кружил над лодками, низко опускался и цеплял воду крылом, разбрызгивая ледяные капли хрустальными осколками вокруг нас.

И у меня все больше вода прибывает, я уже почти вся погрузилась в нее и хватаю ртом воздух, дрожа от холода и от паники. Издать хоть звук страшно, но тонуть еще страшнее. Не удержалась и закричала, и тут же съежилась, увидев, как резко обернулся ко мне зверь, дернул головой огромной в каменных иглах и устремил взгляд лютый прямо в душу, обрушив на меня всю тоску вселенной, заставляя сердце съежиться в предвкушении смерти и зайтись в новом крике, задыхаясь и глотая воду, которая сомкнулась надо мной.

Зажмурилась, сжимая пальцы, впиваясь ногтями в ладони, застыв в шоковом оцепенении, а когда в плоть вонзились словно десятки кинжалов, вспарывая кожу, невольно распахнула глаза, и вопль застрял в горле – жуткая морда твари клацнула пастью у моего лица, и зверь потащил меня вверх в рваные облака, обрывая веревку с камнем, который, слов-

но в замедленном кадре, упал в воду. Я повернула голову, вглядываясь вниз, и со всхлипом втянула воздух, чувствуя, как по щекам слезы покатились — на зеркальной поверхности реки ни одной лодки не осталось. Только венки плавают, и у меня перед глазами от боли и ужаса тоже все плывет, погружая во мрак. Да в ушах свистит от шума крыльев, и тело льдом обдаёт, сковывает. Закрою глаза и проснусь... ведь я проснусь, да?

*Мамонька, ой, мамонька,
Защити — не выдай...
Неужели, мамонька,
Быть мне платом крытой?
Неужели косыньки
Не пустить по ветру?
Неужели с миленьким
Не гулять до свету?
На реке два омута
С тёмною водицей...
Отпустите девицу
Той воды напиться...*

*На яру не весело
Девицы гуляют...
Плачут, да кручинятся —
Песню напевают:
Как в селе под Вологдой
Свадьба не случилась...*

*Как во тёмном омуте
Девка утопилась...*

Русская народная. Мамонька... ой, мамонька

Глава 2

*Раньше не было ни времени.
Ни земли, ни пыли – ничего.
Забывли всё.
Было небылью, да стало былью.
Река остыла, и вода застыла в ничто.*

Женя Любич

Я выныривала из небытия короткими обрывками реальности, они походили на мой привычный кошмар. Мне чудился запах серы, словно чиркнули около ста спичек одновременно, а перед глазами чернично-малиновое зарево над полоской горизонта. То ли закат, то ли восход. Выпь голосит поминальную песню, и от тоски ребра сжимают обручи железные.

Будут ли меня искать? Наверное, нет. Может, Лиза будет. Захотелось вдруг, чтоб мама узнала и чтоб слезы по мне утирала, а мозг резануло картинкой, где она водкой горе заливает и смеется с такими же опустившимися собутыльниками над пошлой шуткой, уже забыв, что поминки у нее дома, а не веселье. Ненависть поднялась вихрем и тут же улеглась пеплом в душе. Отненавидела уже. Горечь золой осыпалась и легла еще одним слоем грязи на сердце и на душу.

Я выныривала из омута боли и погружалась в него сно-

ва. Болело все тело, но больше всего голова. Казалось, внутри нее пульсирует адский сгусток, приносивший мне страдания. Все это время я ощущала чье-то присутствие. Давящее и невыносимо тяжелое. Словно весь ужас вселенной сконцентрировался рядом со мной и вокруг меня. Обрывки воспоминаний вплетались в сумеречный туман перед глазами. Малиновый сполох вдалеке рассеялся и утонул в сизом тумане. Мне казалось, я слышу голоса, но они иные и не похожи на голоса людей. Они звучат не у меня в ушах, а в моей голове. Страшные и похожие на рокот вперемешку с шипением. Сама реальность оказалась страшнее любого кошмара, который я когда-либо видела. Потому что нет этой люти наяву и быть не может. А может, я сошла с ума? И это все плод моей воспаленной болезнью фантазии?

Наконец-то глаза снова раскрылись с мучительной резью в висках, я поняла, что меня куда-то везут. Нет. Не в машине. На лошади. Связанная по рукам и ногам, я свисаю поперек жесткого седла. Оно упирается мне в живот и жестоко трет кожу под легкой влажной сорочкой, прилипшей к телу, а скомканные и растрепанные волосы свисают до самой земли, выметая ее грязными серыми концами. Косы расплелись, и в прядях цветы кровавые запутались. Они до сих пор источали тошнотворный сладкий запах. Вспомнились плавающие на гладком озере венки... там, где лодки с остальными девушками утонули. Опять стало жутко, и я пошевелила руками.

Вот почему настолько сильно болят виски и режет глаза – вся кровь прилила к голове, а тело превратилось в сплошной синяк. Каждая секунда пульсировала в ушах ожиданием чего-то ужасного, чего-то необратимого, нависшего над мной. Меня ослепило воспоминанием о жуткой твари, вцепившейся в меня когтями и выдернувшей из лодки, и от дикого ужаса в горле задрожал вопль. Вскинула голову и закричала. Но никто не обратил на меня внимания. Лошадь продолжала скакать во весь опор. На глаза от боли и страха навернулись слезы, и сквозь соленую рябь я видела пепел под копытами лошади... лошади ли? Потому что тот звук, который издавало это животное, с трудом можно назвать ржанием. Оно пытело жаром, которым обдавало лицо, как из жерла домны. Я задыхалась от первобытного ужаса, пытаюсь освободить затекшие и онемевшие руки.

– Отпустите, – хрипло и так тихо, словно я разучилась говорить или потеряла голос.

Горло обожгло нестерпимой жаждой, и глоток воздуха, скорее, напоминал глоток песка. Оцарапал горло и скатился внутрь, раздирая желудок. Меня или не слышали, или делали вид, что не слышат. И я была уверена, что, скорее всего, второе.

С трудом повернула голову, стоная от страданий, которые причиняли ушибленные о жесткое седло ребра. Натертые веревкой руки и ноги словно отнялись и горели пламенем. И все же я увидела вдетые в золотые стремяна черные сапоги

с заостренными носками, покрытые копотью и заляпанные грязью. Еще усилие, приподняла голову, кусая губы от напряжения – голенища сапог заканчивались у колен, и сбоку красовался вышитый золотом змей.

И снова память полоснула мелькнувшей в облаках тенью монстра. Потом проклятые сектанты, от воспоминания о которых внутри будто зашевелился ворох гнилых листьев, я даже запах тлена почувствовала. Сапоги... золотые стремяна. Кто в наше время все это носит? Куда меня везут? Зачем? Может, это игра такая? Жестокая игра за деньги. Реалити-шоу какое-нибудь. Рисунок змеи показался почему-то знакомым. Словно видела его где-то. Совсем недавно видела.

И перед глазами картинками...

«Я, танцующая у озера вместе с девчонками. Босые и распрепанные мы песни орем и венки в воду швыряем, загадывая желания. Лизка смеется громче всех. У нее день рождения, и она такая красивая сегодня в красном расшитом сарафане. Отец для нее вечеринку устроил в старославянском стиле. Домик в лесу у пруда сняли. Целую программу составили и костры на берегу разожгли. Мы венки сами плели с Лизой для гостей. Свечки в стеклянных закрытых подсвечниках по земле расставили. Красиво до невозможности. Все вино пьем и смеемся. Лизка еще и ведьму, бабу Пелагею, пригласила погадать нам всем. Помню, как мы громко сме-

ялись, представляя себе ряженую, как и все мы, женщину, которой заплатили за развлечение гостей. Но Лиза заверила нас, что ведьма самая настоящая, из местных. К ней гадать из других городов и даже из далеких стран приезжают. Всю правду говорит. Не всегда хорошую. Когда она появилась, смеяться все прекратили. Не потому что некрасиво, а потому что страшная она была, потому что на нас глазами черными зыркнула из-под бровей косматых и платок цветастый поправила. Гадать на воде решили – все же Ночь на Ивана Купалу. Лиза принесла нам всем тазы и свечи. Ведьма сказала, что покажет наше будущее. Чтоб каждая в чистый таз крови капнула и волосы в нем в воде из пруда вымыла. Весело смеясь мы к пруду пошли по воду. Все набрали, а я подойти боюсь. Страх преодолеть не могу. А потом все же решилась. Наклонилась – воду зачерпнуть, и вдруг показалось мне, что смотрит кто-то на меня сзади из темноты. По телу дрожь прошла и в горле пересохло. Волосы тронули чьи-то пальцы, и таз из рук выпал... я отражение в водной ряби увидела. Черная тень за спиной промелькнула, и два желтых глаза в сумраке вспыхнули и погасли. Шуршание травы слышалось. Будто гигантский ползучий змей хвостом кусты разворошил. Несколько секунд я так и стояла оторопевшая и испуганная до полусмерти, пока сама себя не успокоила, что привиделось мне. Вина много выпили. И вода... я всегда ее боялась. Еще с детства. Зачерпнула тазом серебристую жидкость и пошла обратно к костру. Девочки тихо шептались,

склонившись над тазом Лизы. Я ждала своей очереди и прислушивалась к тихому потрескиванию сверчков и кваканью лягушек. Звуки ночи... звуки вкрадчивого страха, он колючей паутинкой ползал по спине, невольно напоминая видение у озера. Когда мой черед настал, Баба Пелагея сама ко мне подошла, но едва над водой склонилась – зашипела, как кошка. Отпрыгнула назад, таз перевернув, а потом на меня вдруг пальцем указала:

– Уйдет пусть... уйдет немедленно! Ей гадать не буду!

Все на меня посмотрели, а я назад попятилась, глядя на женщину, которая словно рассудок потеряла, а та что-то шепчет и рассыпает вокруг себя розовый порошок, как пыль клубящийся в воздухе и не оседающий на землю:

– Не почуй, да не увидь деяния мои. Не услышь и не узнай. Не трогала... не смотрела. Не трогала... не смотрела... Убейся! – рыкнула на меня. – Проданная ты! Проданная!

И я убежала. Куда-то через заросли. Голос ведьмы еще в ушах пульсировал, а ноги сами по траве несут к воде. Не помню, как упала в песок у самого берега. За траву уцепилась, а она пальцы режет и ладони, словно вперед сбросить хочет, окунуть в пруд ледяной. Я свое отражение в воде вижу, и что-то сверкает на дне, переливается в свете месяца. Руку протянула, как заворожённая, сжала пальцами металл. А когда ладонь раскрыла, перстень увидела. Красивый до безумия с изображением змеи, свернувшейся вокруг янтарного камня. И корона у змеи на голове.

– Выбрось! Не надень! Наденешь – участь свою примешь страшную сама! Ни выкуп не спасет, ни молитвы!

Голос взорвался в висках, и в воде лицо старухи зарябило. Я назад отпрянула и кольцо пальцами сжала так сильно, что оно в ладони отпечаталось клеймом потом. Я снова побежала, только из-за темноты не к костру, а куда-то вглубь леса. Поняла, что заблудилась. Остановилась, по сторонам озираясь. И вдруг звуки все стихли вокруг, даже лягушки квакать перестали, и я замерла. Дыхание затаила. Присутствие чье-то опять ощутила. Глаза зажмурила и вздрогнула, когда волосы кто-то тронул, как и там у воды. Неспешно, словно перебирая длинными пальцами, обездвижив и лишив воли.

«Надень кольцо, Жданаааа, надень...»

Где-то шепот томный – то ли в голове у меня, то ли между листвой теряется.

Пальцы ласкают нежную кожу на шее там, где ухо, вниз ползут к груди по ключицам, едва цепляя напряженные от прохлады и мурашек соски, и кажется, горячие губы трогают плечо, спуская с него рукав блузы-вышиванки. А я чувствую, как пьянит меня голос этот, и касания, перышку подобные, заставляют выдохнуть тихим стоном.

«Надень».

Проснулась я тогда в своей постели и так и не знала – приснилось ли мне это на самом деле, пока не увидела перстень на своем пальце и не начала его лихорадочно сдирать, но так и не смогла – шипы на теле змеи впивались в кожу, едва я

тянула его с пальца»

* * *

Та змея была точно такой же, как эта. Долго смотреть на сапоги не удалось, меня грубо придавила к седлу чья-то рука. Не теплая, не холодная. Скорее всего, в перчатке. Внутри сердце забилося раненой птицей. Задергалось сломанными крыльями о прутья невидимой клетки, и капли крови слезами из глаз по щекам покатались. Страшно. Есть разные стадии страха, и мой сейчас достиг наивысшей точки. Самый что ни на есть панический и невыносимый, доводящий до истерики.

Но еще невыносимей было вот так висеть, я не выдержу больше, мне кажется, ребра разрывают мне легкие от ударов. Я задергалась, пытаюсь подняться и мотая головой, а чья-то рука на спине переместилась на затылок и вдавила в седло, ломая сопротивление. Заметавшись еще сильнее, я изловчилась и впилась зубами в ногу ублюдка, заигравшегося в какие-то жуткие игры. А если это мой сон, то со мной ничего не случится...

В этот момент меня сгребли больно за шиворот, сжимая рубашку вместе с волосами, подняли вверх. От неожиданности я задохнулась. Самое первое, что увидела – это глаза янтарного цвета. Настолько неестественного, что этот цвет на секунду ослепил меня, резанул по глазным яблокам ог-

ненной вспышкой, заставляя сердце забиться так сильно и быстро, что я опять начала задыхаться. Ни пошевелиться, ни крикнуть. Казалось, у меня отняли такую возможность. И все тело начало наполняться страшной дикой тоской. Я трепыхалась на вытянутой мощной руке в перчатке, продолжая смотреть в жуткие глаза с жидкой магмой внутри, она раскачивалась волнами вокруг расширенного зрачка, в котором мое отражение походило на птицу, бьющуюся в силках.

Он что-то сказал низким рокочущим голосом. У меня все еще гудело и пульсировало в висках... Похититель позволил моргнуть и выдохнуть, всхлипнуть от облегчения и, приоткрыв рот, смотреть на всадника, боясь даже моргнуть. Меня сковало оцепенением, как сковывает жертву перед удавом, и ощущение будто тело кольцами обматывает и сжимает сильнее и сильнее. Со свистом втягивая воздух, я смотрела в золотую бездну собственной смерти. Адская красота расплавленной огненной смерти. Меня мучил самый жуткий кошмар в моей жизни, он ожил, приобрел плоть и запах. Я была уверена, что желтоглазая тварь из моих снов вполне могла оказаться вот этим зверем. Потому что дьявол в седле мало чем походил на человека, скорее, на чудовище, спрятанное под людским обликом. Измазанное чем-то черным на щеках и под глазами лицо, лысая по бокам голова с полосой блестящих темных волос, заплетенных в косички и собранных в хвост на затылке. Кожа обветренная, смуглая или грязная. Белесые шрамы пересекли левую щеку у виска и у глаза. За

спиной торчит рукоять, о боже... боже... боже... меча? Это какая-то ролевая игра? Квест? Я все еще хотела верить, что не сошла с ума, что есть какое-то объяснение или выход из этого лабиринта. Хотела верить, что все вот-вот закончится, и мне скажут, что меня снимали в какой-нибудь программе «розыгрыш». Но этот жуткий варвар со страшными звериными глазами, прожигающими меня из-под ровных густых бровей, не походил на актера... в поры на его лице забились сажа или пепел, меняя цвет кожи. Это не мог быть грим. Я знаю. Я играла в университетских постановках. Этой копоти несколько недель и... одежда на нем – не костюм сценический. Ее носили, стирали и занасивали. Я даже не могла понять, в каких веках так одевались и где, хотя историю всегда знала на отлично.

– Отпустите, – получилось пискляво и жалобно. И все же я нахлебалась воды, поэтому саднило горло. Во рту привкус тины и водорослей.

Глаза монстра сверкнули, словно по радужке прокатилась бликом молния. Нет, таких линз не бывает... как и глаз, в природе. У людей. И я вздрогнула. А он склонил голову к плечу, покрытому меховой черной накидкой, рассматривая меня и приподнимая выше, как драную кошку, взгляд скользнул по всему телу, которое облепила все еще влажная тонкая рубашка. Холодом и жаром окатило одновременно. Интерес в змеиных глазах вспыхнул обжигающим пламенем на секунду и тут же потух.

– Что ты там высматриваешь, Ниян? Не те нынче девки, да? Худые, тщедушные. Дохнут, как мухи, еще в дороге. По-тап дрянной товар подсовывает уже давно. Не там кредиторов ищет, шельмец.

– Она меня укусила.

Задумчиво и очень удивленно. Наклонил к себе, а я замурилась, чтоб лицо это вблизи не видеть.

– На меня смотри! – приказом властным и беспрекословным. Словно ударил под дых.

Не могу. Мне страшно. Так страшно снова ощутить, как все тело льдом сковывает, и от необратимости дрожит каждый нерв, вибрирует ужасом на грани с агонией. Не хочу в глаза его жуткие смотреть.

– Выбей ей зубы,... Нет... не надо. Можно продать за желтый жемчуг... все равно на одну больше везем. Среди них истинной точно нет. Уж сколько веков...

– Заткнись, – рыкнул зверь, и второй голос оборвался, мгновенно воцарились тишина, и смолк стук копыт. А я теперь только свое дыхание слышу и грохот, с которым сердце колотится. Похититель к себе наклонил еще ниже, а мне в нос ударил запах костра, сажи и чего-то еще. Мужской, терпкий и сильный аромат его кожи и волос настолько яркий и обволакивающий, что я невольно его втянула полной грудью. Рука в перчатке схватила меня за лицо, сдавливая скулы, поворачивая в одну сторону и в другую. Губу нижнюю вниз оттянул, и чувственный рот мужчины скривился в усмешке, от

которой горло как удавкой перехватило. Не бывают люди такими... такими идеально жуткими и прекрасными одновременно.

– Маленькие..., – потрогал зубы, а я дернулась, чтоб вгрызться в его палец, тут же сдавил щеки так, что от боли скулы свело. – Еще раз так сделаешь – вырву и зубы, и язык, поняла, смертная?

Голос имеет такое же действие, как и его взгляд – заставляет все внутри дрожать от первобытного ужаса. Отнимая желание жить и сопротивляться. Господи, когда я уже проснусь. Мне страшно. Мне так страшно.

– Разозлишь – не доедешь. Разве что в омут или в землю.

– Куда... куда я должна доехать? – вопросы такие глупые и бессмысленные, но мне неожиданно на них отвечают.

– В царство Дракона Смерти. И пока мы в дороге – я твой хозяин.

– Кто ты?

– Князь Ниян. Брат царя Вия. И ты теперь принадлежишь нам!

Выжидает, делая паузы, чтобы осознала каждое слово. Приняла свою участь. Только как ее принять, если мне все еще верить хочется, что проснусь. И все существо противится покорно принять то, что он говорит. Он не спешит, и все вокруг замерло. Как под гипнозом. А во мне пульсирует ужас, и боль в виски ударами отдает. И внутри поднимается ураган, пенится волна протеста и адской ярости. Я закрича-

ла, извиваясь в его руке, пытаюсь схватиться за запястье, но нечеловек держит ее крепко и даже не шевелится, кажется, его забавляет моя беспомощность, только зрачки сузились в тонкую полоску.

– Уймись. Это навсегда. Не игра, как вы, смертные, всегда считаете. Нет тебя больше. Там нет. Здесь пока есть. – и к себе дернул так, что наши лбы почти соприкоснулись, – **ПОКА Я НЕ РЕШИЛ ИНАЧЕ.**

– Кто ты? – истерически, срываясь на рыдание, – Кто... ты... черт тебя подери?

Снова голову к плечу и расхохотался так, что у меня по коже мурашки поползли. В туманном полумраке сверкнули белые зубы. Красивый и в тот же момент ужасный этой неестественной нечеловеческой красотой.

– Не знаю, кто такой черт, разве не к богу ты должна взывать, как и все вы? – улыбка пропала так же быстро, как и появилась. Он и не думал мне отвечать. А я вдруг поняла, что это и есть дьявол, только имя у него другое. И теперь он решает – жить мне или умереть. Я больше не принадлежу себе. От паники горло стянуло ледяными клещами. Я снова забилась в его руках, пытаюсь вырваться.

– Смотри мне в глаза! Не сопротивляйся! Будет больнее!

– Нет! Нееееет! – но он заставил смотреть глаза в глаза, и от боли все померкло вокруг, тоска сковырнула все внутренности лезвиями острыми, заставляя слезы покатиться из глаз. Варвар пальцами в перчатке по щекам повел и облизал

их раздвоенным языком змеиным. По его четко очерченной широкой скуле волной чешуя промелькнула и исчезла, заставляя, оцепенев, втянуть воздух в легкие и выдохнуть рыданием. Он не человек... не человек.

– У смертных особый вкус слез – самый вкусный из всего, что я пробовал. Самый искренний. Но еще вкуснее твоя плоть и кровь. В следующий раз, когда ты скажешь мне «нет», я заставлю тебя плакать кровью. А пока что... прими свое первое наказание. Боль – это то, что вы, рабы, понимаете лучше всего.

П пульсирующий сгусток энергии взорвался в голове, ослепил, я почувствовала, как из носа потекла кровь и глаза закатились, снова давая провалиться в благодатную тьму.

Глава 3

*Зелье змеиное отыскать не сумею я,
Золото глаз
На тебя поднять не посмею я.*

*Чешую загар —
Мне в осеннюю гарь
Уходить вслед за змеями.*

*Пылью под пологом голос мне полоза
слышится...
Полные голода очи-золото в пол-лица...*

Мельница. Невеста Полоза

Я открыла глаза от того, что меня толкнули больно в плечо. Подскочила на месте, оглядываясь по сторонам с едкой надеждой, что мне все приснилось. И тут же как хлыстом по нервам понимание, что я все еще в своем кошмаре. В раскаленном пекле иной реальности. Где-то посреди полуденного зноя валяюсь под деревом на спине и тихонечко попискивает мелкая мошкара над ухом, а колоски щекают лицо и голые ноги.

– Вставай, чего разлеглась? Или розги захотела? Здесь тебе не хоромы царские.

Пальцы невольно перехватили у ворота рубаху, чтобы прикрыться, и я вскинула голову на говорившего – низень-

кий карлик с оранжевой бородой и всклокоченной такого же цвета шевелюрой. Нос картошкой и глазки маленькие под косматыми бровями. Наряд на нем пестрый из лоскутов ткани и туфли с закрученными носками, как у шута или скомо-роха, с бубенчиками на концах. И почему-то от этого жутко сделалось. От вот этих самых бубенчиков. Как издевательство рядом с воспоминаниями о потонувших в реке девушках и монстре со взглядом нечеловеческим.

– Что уставилась глазами бесстыжими? – я узнала тот самый голос, что с нечеловеком говорил до того, как провалилась в небытие, – у какие зеньки зеленые, словно омут русалочий. Ты на Князя Нияна ими так не пялься, в пол опускай и держись подальше. Гляди и выживешь.

Я усмехнулась и в полный рост поднялась. Приятно все же оказаться выше кого-то ростом. Обычно гномом называли именно меня и документы в магазинах спрашивали при покупке спиртного, а бывало, и в клубы не пускали. Но возвышаясь над рыжим шутом, так смешно коверкающим слова, я чувствовала себя великаном. Ощущение, что я участвую в ролевой игре на выезде, вернулось. Может, там за кустами камеры прячутся или там. Я осмотрелась по сторонам – ни шороха. Только листики на легком теплом ветерке подрагивают, зубчики кленовые едва трепещут.

– А ты чего раскомандовался, гном? У тебя синдром Наполеона?

Косматые брови взлетели вверх к ярко-рыжей челке. Это

было бы забавно, если бы меня не трясло от страха и не казалось, что вот-вот тот самый Ниян появится и глазами своими меня наизнанку вывернет.

– Ты по-нашему говори, коли языка не жалко своего.

– Ясно. Значит, с всемирной историей здесь паршиво. Аааа телефона нет? Сотового? Я позвоню быстренько и никому не скажу. Я тебе за это вот что дам...

Потянулась снять серьги, но карлик прищурился, за руку меня схватил своей пухлой ручкой и дернул за волосы, заставив ойкнуть и замахнуться на него.

– Ты, девка, если жить хочешь – делай все, как велят тебе. Поняла? Здесь норовистые быстро умирают. Намного быстрее послушных. А теперь пошла к воде. Не то стражу позову, и тебя искупают насильно. Времени нет лясы с тобой точить. Грязная, вонючая и тиной с мертвой воды прет от тебя, как от болота. Пелагея косы вычесет и лицо закрасит наново. С чистым до отбора нельзя. Прознает Владыка и кожу с него снимет. Будешь безлица – изгонят тебя за Навь к чертогам мавичьим или Лиху одноглазому на откуп отдадут.

– Ну и козел ты, Гном. И разговариваешь, как в эпоху динозавров.

Хотелось руку протянуть и сдернуть с него парик, а потом заорать, чтоб прекратили этот идиотский спектакль немедленно, не то у меня истерика начнется.

– Я не Гном и не козел, а Врож.

– Вот да – с рожей у тебя, как и с ростом, не удалось. А ду-

шевая где? Я и сама помыться хочу после лап ваших и земли сырой.

Врож кивнул куда-то за кусты.

– В речке искупаешься. И словечки свои человеческие забудь. Нет здесь ничего из твоего мира. Рот на замке держи. Лицо скрывай и доедешь до Нави целой и невредимой, а там, гляди, выберет тебя царь, и заживешь в свое удовольствие.

– Вы все здесь чокнутые? Какой царь? Божеее, это когда-нибудь закончится. Ущипните меня кто-нибудь.

И тут же вскрикнула от боли – карлик сильно ущипнул меня за бедро.

– Сама попросила. А теперь давай иди в воду. Пока я добрый.

От одной мысли, что купаться придется в реке, по телу проползла волна мурашек.

– Я в реку не пойду. Нееет. Там холодно. Я и так замерзла. Не пойдууууу.

Гном пристально на меня смотрел несколько секунд, а потом ударил в ладоши:

– Бросьте ее в реку. Утомила она меня.

Тяжело вздохнул и отвернулся, пошел прочь, звеня бубенцами.

– Эй, Врожаааа, не надо... пожалуйста, я прошу тебя. Я воды боюсь. Мы же с тобой подружились... пожалуйстаааа.

Он ко мне даже не обернулся, а два немых стража вышли из-за деревьев, облаченные в черные одеяния, расшитые та-

кими же черными блестками, напоминающими чешую, сверкающую в лучах солнца, они с бесстрастным видом схватили меня под руки и понесли к воде. Я брыкалась и громко кричала, пинала их ногами и пыталась вцепиться в одинаковые лица-маски ногтями, но безуспешно. Когда поняла, что меня сейчас просто швырнут в бездну, стало еще страшнее, кажется, легкие уже заранее разодрало от глотков воды и запершило в горле.

– Я сама... отпустите. Я самаааа. Мне больноооо! Пожалуйстааа! Не надооо!

– Отпустите! – мне не нужно было оборачиваться, чтоб узнать – чей это голос. Я б его узнала из тысячи, потому что только он мне внушал неописуемый ужас. Я помнила, какую боль испытала, когда нечеловек в глаза мне смотрел своими звериными и ломал меня изнутри, раздирал на части. И стражи напряглись. Руки сильнее на моих предплечьях сжались. Боятся они его. Их страхом в воздухе завоняло, как потом. Черная чешуя волной прошла по их лицам, и я задохнулась... осознавая, что таких спецэффектов еще не придумали в гриме.

Но какой-то части меня все еще казалось, что там за кустами, если долго бежать, вдруг обнаружится автомагистраль и машины на ней. Я ведь на земле. На человеческой земле. Ногами по ней ступаю. Вон солнышко светит. Вон колосья шевелятся, и вода сверкает бликами... значит, где-то есть люди. Нормальные. Как я. Меня поставили босыми ногами

на колючую траву, и я ту же изловчилась и бросилась прочь, что есть силы. Туда к кустам, за которыми, как мне казалось, начнется цивилизация. Ящеры (иначе и не назвать) дернулись, но монстр поднял руку, останавливая их.

Не оборачиваться. Бежать и не смотреть. Не думать. Просто бежать, а как на дорогу выбегу, спрятаться надо будет и попуток ждать. В полесье дубы раскинулись могучие и густые, листва изумрудной зеленью пестрит и глаз режет. Земля под ногами влажная, чувствуется, что рядом вода, и прохладой икры обдает. Вроде все так, как и на родине моей, только есть одна странность противоречивая – тишина. Словно замерло все живое и затаилось в тревоге. Лягушки не квакают, птицы не поют, кузнечики не трещат. А должны. Я продолжала бежать, раздвигая руками листву, чувствуя, как волосы по спине хлещут, на лицо падают и в ветках путаются, а лес все гуще становится и темнее, вверху кроны деревьев небо закрывают. Словно ожил лес и зашуршал листвой, зашевелил корнями деревьев так, что земля под ногами забугрилась. И со стволов дубовых лица на меня смотрят одинаковые. Высеченные кем-то идолы языческие.

Задыхаясь и листву раздвигая все глубже и глубже, уже понимая – нет никакой дороги и выхода отсюда нет. Чертовщина какая-то. Я бегу-бегу и словно на месте топчусь, а ветки-лапы ко мне тянутся, и корни лодыжки оплетают व्यонами. Ползут к коленям. Нервно стряхивая их с себя, бросилась вперед, зажмурившись. Не смотреть. Никуда не смот-

реть. Мне все это кажется.

Странный свист услышала и, прежде чем поняла что-то, на шее петля от веревки захлестнулась. От боли в глазах потемнело. Кто-то дернул ее с такой силой, что я на спину упала навзничь, вскрикнула от ужаса, а меня потащили за шею по земле, заставляя впиться руками в петлю, чтоб не задохнуться. Арканом поймали, как животное. Первое, что заметила, это ненавистные сапоги со змеями по бокам, и, судорожно глотая воздух, глаза распахнула, чтоб увидеть, как нависает надо мной, словно скала, чудовище с взглядом, как у самой смерти. Рывком за веревку вверх поднял, и я зажмурилась, чтоб в глаза его змеиные не смотреть страшные.

– Сдохнуть хочешшшшь, – зашипел в лицо, и меня подбросило, как от удара током. – Ты думаешь, ты в своем мире?

Пронес на вытянутой руке, как паршивого котенка, и подвесил над обрывом. А внизу камни острые и вода бурлит с оглушительным шумом. Тряхнул, а я закричала и в руку его сама впиалась от ужаса, что вдруг выпустит.

– Еще раз так сделаешь – кожу сниму и здесь на дубе повешу, чтоб мошкара жрала. Поняла, человечка?

– Пусть жрет, все ж лучше, чем ты жуткий.

Огрызнулась, и самой стало страшно, что сейчас он свое слово исполнит.

Раздался хохот, от которого мурашки по коже поползли с утроенной силой, и начали дрожать пальцы рук и ног. Нависшее, так смеется сам дьявол, прежде чем погрузить тебя

в кипящее масло. Я почувствовала, как меня все так же потащили за шкуру. Открывать глаза не хотелось. Я вообще не могла даже думать, меня лихорадило, и, кажется, каждый волосок на теле стал дыбом, а внутренности скрутило в узел. Нечеловек швырнул меня на землю, и в ноздри забился тошнотворный запах падали. Вонь, от которой все подступает к горлу, чтобы обжигать горечью отвращения. Я знала этот запах. Наткнулась как-то на мертвую крысу возле стока в городе. Она воняла именно так.

– Глаза открой!

Отрицательно качая головой.

– Открой!

И тут же боль адская вспыхивает в голове, словно кто-то, вдираясь мне в мозги, насильно заставляет глаза открыть. И я открываю, чтобы всхлипнуть, увидев перед носом босые синие ноги в багровых пятнах, облепленные мухами. Голову вскинула и зашлась криком, быстро назад отползая – передо мной на ветке раскачивалось тело без кожного покрова, облепленное мошкаррой.

– О божеее... боже...

Всхлипывая и закрывая рот руками.

– Увидела? Он тоже ничего не боялся и много разговаривал. Умирал долго и мучительно. Лучше с обрыва в Лиховодье.

Схватил снова за шиворот и через плечо перекинул. Я смиренно обмякла на нем, чувствуя, как от ужаса все тело

занемело. Ничего более жуткого я в своей жизни не видела. Не игра это никакая. Я в каком-то проклятом аду, где творятся лютые вещи, и этот монстр с глазами ящера и жутким взглядом не станет три раза раздумывать, прежде чем и меня освежевать живьем. К горлу подступила дичайшая тошнота позывом к рвоте, и тело покрылось испариной.

В себя пришла лишь тогда, когда бросил на берег так, что упала лицом к самой воде.

– Мойся. Времени нет. Врож! Костры тушите – в путь пора! Врата с рассветом нам не откроют!

Я над водой стою на коленях, и мне отражение его рябит в темной глади. Огромный, как гора. Ростом выше двух метров. Голова лысая по бокам лоснится, и отчетливо видны татуировки над ушами, в которых с десятков железных колец с бусинами. А на меня смотрит исподлобья, и у меня от его взгляда в желудке все дрожит и трепещет. Глаза сверкают даже отражением в воде. Я еще никогда в своей жизни так не боялась. Словно этот страх первобытный мне в кожу впитался и колот острыми занозами бесконечно. Взгляд на лицо свое перевела и всхлипнула – щеки, нос и половина лба замазаны черной жирной краской. Одни глаза видно, рот и кусок подбородка. Не лицо, а маска от угрей какая-то. Зачем они это делают? Что это вообще означает?

Поднялась в полный рост на дрожащих ногах.

– Уйди. Дай помыться!

– При мне помоешься. Я за тобой бегать по кустам больше

не намерен.

– А ты страже бегать прикажи или карлику своему. Ты же тут вроде как главный? – вырвалось само, и ту же душа в пятки ушла и сердце заколотилось с такой силой, что дышать стало нечем, потому что ко мне шагнул сапогами прямо в воду, за затылок взял и под воду рывком окунул. От неожиданности хотела закричать, но едва рот открыла – в него ту же затекла жидкость, а руки, резко выставленные вперед, окунулись в ил, и от гадливости по всему телу прошла волна отвращения. Теплая летняя вода рванула прямо в горло, и я начала силой барахтаться, пытаюсь освободиться от хватки мужской руки на затылке. И тут же меня вытащили наружу. К себе развернул, пока я кашляла и, захлебываясь, лицо руками терла, волосы мои назад убирал. А потом словно обмерла под его взглядом. Он лицо мое рассматривал, а в зрачке красные языки пламени переплетаются, и по щекам чешуя ползет черно-золотистая волнами. Жуткое зрелище. Медленно взгляд опустил к груди, и пламя начало вспыхивать кроваво-оранжевыми сполохами. Голодный взгляд, прожигающий до костей, и есть в нем что-то еще... не поддающееся определению. На меня так никогда не смотрели за всю мою жизнь. Словно сожрать хочет. Истерика накатывала издалека, и я вот-вот захлебнусь ею вместе с отчаянием и пониманием, что не мой это мир. Я где-то в ином месте совсем.

– Ниян!

Дернулся и пальцы разжал, а я снова в воду упала. На дне вдруг мелкие цветы раскрылись ярко-лиловые с белой сердцевинкой, к моей руке по воде тонкий стебель потянулся и запястье окрутил. С омерзением сбросила его и увидела, как стайка мелких рыб рассыпалась в разные стороны, а цветы водяные тут же закрылись.

– Ты зачем... зачем ее рассматриваешь?

Карлик брел по песку, перебирая маленькими кривыми ножками и бренча бубенцами на носках башмаков. Дзынь-дзынь. Дзынь-дзынь.

– Не перед тобой отчет держать должен.

– Нельзя на них смотреть, сам знаешь. У нее лицо без краски. Как она смазалась? Стражи не видели ее?

Ниян страшный взгляд на карлика бросил, да такой, что тот шаг назад сделал.

– Ты, скоморох, говори да не заговаривайся. Место знай свое. Не указ ты мне. Пелагею кличь, пусть займется девкой, хлопотная она какая-то. Товар для Сторожа готов?

– Готов. Как и для Темнозара.

Я, тяжело дыша, смотрела на них, а потом взгляд на руки свои перевела – обе ладони измазаны черным. Потерла друг о друга и лицо свое потрогала. Судорожно выдохнула и опять почувствовала, как теперь уже вокруг лодыжки стебель обвился и потянулся вверх, как выюнок. Дернулась вся и на берег попятилась, пытаясь оборвать стебель, но он словно леска натянулся и сам рванул обратно, оставляя тонкий порез

на пальцах. Я всхлипнула и подняла голову – князь на меня смотрит, и ноздри его трепещут, раздуваются. И жутко, и красиво до боли в глазах, а от того еще страшнее становится.

Глава 4

*Твой путь
Осенний ветер
Степной орел
Расправляет крылья,
Твой путь
Тугою плетью
Замечает каждый шаг пылью*

*Твой путь
По костям земли,
Твой путь
По цепям воды
На упругих лапах
Звери шли,
Чуя запах беды*

Мельница

Он их сотнями приносил за все эти годы. Один и тот же ритуал из весны в весну. Едва снег там, наверху, начинал таять и подтекать каплями ледяной влаги на границе, к нему прибывал гонец, и князь отправлялся наверх на гору, откуда, расправив обсидиановые крылья с золотой чешуей, нырял в лебяжьи перья облаков и рассекал их словно лезвиями, устремившись вниз к мертвой воде выбирать добычу. Его это обязанность была испокон веков, помимо охраны границ от вылазок Мракомирских тварей, коих тот выход в мир людей

искать посылал. Ледяная мразота, загнанная в самые дальние углы Нави и затаившаяся, перед тем как нанести очередной подлый удар исподтишка.

Ниян поднимался на Чар-гору раз в году и уносил двенадцать дев, отобранных жрецами братства, а остальных в жертву царю Властибору отдавали. Неписанные законы баланса Яви и Нави. Из-за вечной тихой войны Земли с водным царством каждый год по весне оброк в десяток человеческих девственников, иначе через Наводь не перелететь и ни в один ручей не войти не даст водяной узурпатор.

Долго потом Багрянка цветом алым полыхала, а над водой воронье взбудораженное кружило, когда на берег части тел выкидывало. Тех, кому не посчастливилось быть принятыми на дно морское, тех, кто были отданы юдам – падальщикам водным на съедение. Пищевая цепочка, как говорят смертные у себя в умных книжках. Иногда князь позволял себе побродить по Яви, посмотреть, как изменилась она, схватить на лету новую информацию, изучить людей и их повадки на воле. Врож ворчал, что как узнает царь и Светлые про вылазки эти, лишится он и титула, и привилегий и сошлют его в Межземелье, как Мракомира. И сам же одежду чистую подавал, и через плечо своему господину вешал.

– Днем ходи, ночью в лес возвращайся и больше чем от заката до заката не броди там.

– Вздерну я тебя когда-нибудь на веточке, Врожка, чтоб не умничал.

– Не вздернешь. Кто тебе котомку собирать будет и ждать, коли воротишься? Мамка и папка я тебе.

Ниян хохотал до дрожи листвы на осинках да березках и трепал оруженосца по рыжим космам. А сам думал о том, что мамка с папкой только у смертных бывают, а у них судьба иная совсем. Они матерей рождением своим убивают и бросают их, новорожденных, едва на свет появившихся, на камне ритуальном лежать, не важно – в холод или в зной, от заката до заката. Если до утра не каменеет младенец-дракон, то ему имя дают и в хоромы царские уносят, и пока в палатах празднество гремит, жрецы тело роженицы в жерло Чаргоры швыряют. Ее миссия выполнена, и канет она в небытие. Иногда даже имени от нее не останется. Ниян своей не знал да и не думал об этом никогда. Ложь... думал. Часто думал. И понять никак не мог, если отцу в ноги кланяться надобно и перстни целовать, то почему с женщиной так жестоко... с той, что жизнь подарила. До поры до времени думал и перестал. Бессмысленны они, мысли эти. Воину ни к чему.

До отрочества при дворце жил, а потом присяга, оруженосец, меч в зубы и в войско царское воеводить, землю Навскую охранять. Отца видел лишь по празднествам великим, да войнам лютым. Не было у него ни мамки, ни папки. Врожка один. Преданный шельмец. А ведь когда ему карлика в услужение дали, психовал Аспид, деревья от ярости валил. Избавились от князя, еще и зверька в оруженосцы подсунули. Зря психовал. Врожка с виду только простак да оболдуй,

а умен гад и прозорлив, с ним не одна битва была выиграна, и жизнь господину спасал не раз. Не силой, а умом своим тонким. Любил говаривать о себе, что шут он княжеский и на потеху господина приставлен, а девки по карлику сохли и страдали похлеще, чем за великаном мускулистым. Как не войдет по утру к рыжему мракобесию, так у того по три девки в постели кувыркаются, ножки-ручки ему массируют.

– Ты, папка, договоришься когда-нибудь и без языка останешься.

– А развлекать тебя кто будет? Девки у тебя нет, жены нет. Один и один вечно зверем хмурым бродишь.

– Зачем мне девка, Врож? Война мне – и девка, и жена.

– Да уж зачем, коли всех потом к Чар-горе несут или в землю зарывают после тебя... Лютый ты.

– Не твое это дело, ясно? Не лезь туда, где, и правда, смерть свою можешь встретить! – и карлик замолкал, потому что знал, когда можно перечить, а когда лучше язык прикусить, чтоб, и правда, без него не остаться. Ниян непредсказуем в гневе, и нет у него жалости даже к тем, кто бок о бок с ним бился. Раз оступился и стал червем земляным, и хрустишь под железной подошвой воеводы раздавленный и мертвый. Мертвым быть никто не хотел. Как Обран, которого Ниян казнил за то, что золото смертных у него в котомке нашли. А ведь много лет бок о бок по землям навским скакали, от огня ледяного синего Мракомирского ожоги общие заимели и шрамы от стали аметистовой, ядом колдовским

смазанной, на всех делили. Ниян с рук и ног вора сам кожу срезал, сам на дереве вздернул и умирать мучительной смертью оставил. Кто брата по оружию обманул – тот и предаст, тот жить не достоин, а коли выживет, на всю жизнь память останется о деянии его и каждому видно будет, кто он.

Все в Нави ждали, когда одна из человечек исполнит свое предназначение – родит Вию наследника, и станет его власть абсолютной, а трон неоспоримым. Для Князя невесты брата слились в череду одинаковых выкрашенных в черное лиц, которые являлись чистыми ликом лишь во время отбора, и полуобнаженных тел, извивающихся у костров в соблазняющих танцах. Царь выбирал одну и вел в свои хоромы... если выживет в первую ночь и понесет от него – женой сделается, а коли нет, то на замену ей другая выбирается, и так до конца года. А затем все они в жертву их отцу Чернобогу приносились на Чар-горе. В самые недра земли сбрасывали дев в лаву кипящую. Из земли вышли – в землю вошли. Некоторые из палат царя живыми не возвращались – лютовал Вий, злился, что веками не коронован на троне сидит по завету отца, и сучки смертные не плодоносят от него. Иногда он нескольких невест в месяц покрывал в надежде, что одна из них окажется той самой. Но князю было плевать, каким образом Вий со своими девками забавляется. У него иное предназначение, как в свое время у братьев отцовских было до переворота и войны. Лишь первенец трон получить может, и лишь от него истинная понесет продолжателя ро-

да, только тогда полноправным Владыкой Нави станет. А до тех пор власть Вия кто угодно оспорить мог – даже Мракомир. Остальным братьям предначертано землю стеречь и через границу никого не пускать. Держать баланс света и тьмы. Мракомир в свое время ради душ людских этот баланс нарушил и был изгнан отцом в Межземелье.

С этой человечкой все иначе вышло. Наперекосяк. Не так, как должно было. Совсем не так. Он ее случайно в лесу увидел. Схоронился перед возвращением в Навь среди папоротника, прилег на свой плащ, и голоса его разбудили, сквозь морок сна ворвались, заставив раздраженно веки поднять и подавить волну чешуи, прокатившуюся по мгновенно напрягшемуся телу. Привстал прислушиваясь – человечки на берегу хороводы водят. Глупые людские обычаи и ритуалы. Богам своим молятся и не ведают, как из ветвей на них глаза иных смотрят и насмеваются над верой их и песнопениями.

Ниян хотел было откинуться назад на плащ и глаза прикрыть уставшие после полуденного зноя – мир смертных слишком смогом наполнился, и дышать в нем стало нечем, как и негде развернуться. Калечат землю глупцы несмышленные, обозлится рано или поздно родимая, их всех в себе похоронит вместе с небоскребами, железными птицами и роботами на колесах. Все в Нави будут через мост правды идти – кто по лестнице к золотым куполам к Светлобогу, а кто в Кощеево царство в вечное рабство, не живыми и не мертвыми по Межземелью бродить и облик людской терять. Едва

голову на котомку опустил, как тут же глаза распахнул, и зрачок из узкой полоски закрыл всю радужку и запульсировал, а ноздри затрепетали от аромата... тонкого, будоражащего разум, не людского и не земного. Никогда не вдыхал ничего подобного ранее. Ни один цветок ни в Яви, ни в Нави так не благоухает. Тут же жарко сделалось и в чреслах сладко заныло, как никогда раньше. Как марью его окутал этот запах. Ниян к берегу пополз. Натренированный бесшумно, как змея, и в облике человеческом двигаться и взгляд фокусировать на деталях мелких да на шорохах. Ведомый неведомой силой. Что за чары такие колдовские тянут его нитями? И на берегу девушку увидел – босыми ступнями в воде стоит. Волосы цвета золота по тонкой спине кольцами блестящими выются аж до колен, стан тонкий двумя ладонями легко обхватить, и ноги стройные просвечивают под тоненьким льном. Стоит и в заводь войти не решается... а у князя в горле пересохло и для вдоха в груди места не осталось. Он замер и взгляд отвести не мог, словно замороженный или зельем ведьминским опоенный. Сам не заметил, как приблизился настолько, что лицо ее в водной ряби увидел и... внутри раскаты грома раздались, словно ураган закрутил чертополохами, превращая в пыль все, что раньше испытывал, все, что вообще знал когда-либо о смертных женщинах. Когда-то слышал, как закаленные воины рассказывали о чарах русалочьих, что до одержимости и исступления доводили ликом своим и голосом, запахом цветов водных. Но чтоб смертная так вихрем

под кожу ворвалась и в крови мгновенно маревом ядовитым растеклась, такого князь не слыхивал.

Видать, в темноте глаза его вспыхнули огнем золотым драконьим, а она вскрикнула и обернулась, но заметить не успела. Не суждено смертным взглядом движения детей Чернобога отследить. Князь затаился в листве, и взгляд оторвать не в силах. По телу волнами перекачивается неведомое доселе вожделение, и искры под кожей вспыхивают, как ядовитые укусы, заставляя подрагивать. Жадно образ ее пожирает, чеканкой выжигает в памяти, как кузнецы навские печать царскую жгут на золоте или на железе, так и она у него внутри оттиском кровавым осталась. И больше не было ему покоя ни днем, ни ночью. В Навь вернулся сам не свой. Девочек задрал с дюжину, а голод утолить не мог, Врог только и успевал могильникам знак давать, чтоб прибрались за господином, и головой качать да причитать, а то и хорониться от глаз хозяйских, чтоб под руку не попасть.

Ниян тогда в Явь повадился через одну луну «подниматься». Под ворчание оруженосца, что зачастил, и заметят его дозорные и донесут, куда не надобно. А он за ней следил. Неотступно по пятам ходил. За деревьями прятался, за стенами домов, с тенями сливался и прохожими на улице. Скользил по телу ее взглядом голодным и жадно пожирали каждую черту лица, жест, наклон головы. Иногда псы его чуяли и рычать начинали, но едва в глаза звериные смотрели, тут же хвосты поджимали и назад пятились. Да! Он царь всех

тварей на земле. Точнее, его зверь, которого за версту чуяли.

А человечка словно ощущала его присутствие, оборачивалась, в испуге от воды шарахалась, если тень его позади себя замечала. Крестилась и богу своему молилась. Смешная. Забавная. На колени станет, руки сложит и шепчет что-то. Часами мог неподвижно наблюдать за ней, сливаясь с корой дерева и с листвой, теряя черты человеческие. Как-то дождь проливной лил, а он за ней шел, как обычно. Маршрут ее давно выучил. А она вдруг остановилась резко, наклонилась, что-то в кустах высматривая, а потом руку протянула, и Ниян оторопел от того, что увидел – зверька мягкого пушистого. С собой его унесла. Ворковала над ним весь вечер, молоком поила. Гладила. Не видела, как глаза змеиные желтые от окна к окну за ней следуют. Ему вдруг зверьком этим сделаться захотелось, чтоб пальцы ее касались так же нежно его волос. На утро зверька железная повозка задавила.

И его волной ее отчаяния окатило, как разрядом десяти тысяч молний, а от слез и всхлипываний в груди запрыгало, затрепетало, забило о ребра сердце, мучительно в камень сжимаясь. Человечка в дом побежала, а он возле зверька оказался, руку протянул и пальцами по тельцу бездыханному провел, протягивая нить золотую, тающую в воздухе вместе с искринками россыпью – жизнь еще одну подарил. Закон Нави нарушил. Зверек ушами зашевелил, и тут она выбежала с полотенцем, на колени упала и смеется, и плачет, зверька к лицу прижимает и целует. Ниян тогда впервые за

много лет улыбался... потому что она улыбалась. Но потом вдруг подскочила, по сторонам оглядываясь, а зверек зашипел, на Нияна разумеется – ожил паршивец. Девчонка в дом свой, на коробку похожий, вернулась и двери на все замки позакрывала.

Имя он ей дал со временем. Ждана. Каждой встречи с ней ждал, словно анчутками² одержимый.

И от ярости крушил все и сжигал от понимания – не быть ему с ней. Не умеет Аспид с девками, не такой он. Его монстр слишком алчен до крови, не сидит внутри, а чуть что – наружу рвется и после себя куски мяса оставляет. А человечку куском мяса видеть не мог. Хотел такую. Живую. С глазами ярко-зелеными и кожей молочно-белой полупрозрачной с тоненькими венками, щеками с розовым румянцем и невесомым облаком золотых волос, с крошечными тонкими пальцами и пухлыми по-детски губами цвета ягод лесных. И этот запах колдовской кружил ему голову и сводил с ума. Он сам не знал, что это такое с ним, не знал и злился каждый раз, как из Яви домой приходил. Дракона на волю выпускал и летал в поднебесье иногда под сполохами молний и под градом ледяным, чтобы избавиться от морока и от сучки смертной, стереть лицо ее из памяти и голос, который паутиной мозг ему и сердце затягивал и сдавливал с силой адской.

² Анчутка – Одно из самых ранних названий беса, чёрта. Как и прочие русские демоны, они мгновенно отзываются на упоминание своего имени. Анчутки помирают разум людей, пугают их своими стонами. Они могут изменять свой облик, чтобы ввести путника в заблуждение.

Пелагея – ведьма старая, царской династии испокон веков род ее предан, неладное первая узрела и голову ему заморочила, что может он смертную к себе забрать, стоит лишь кольцо ей обручальное надеть. Снять не сможет его никогда человечка, только с пальцем рубить надо, или сам князь кольцо забрать властен. Ниян тогда к бесам послал полоумную старуху и в поселении себе невольниц перевертышей взял – выносливые они и выживают иногда. Черта с два выжили. По утру долго от тел изуродованных назад пятился и лицо окровавленными руками тер. Забыть девку попытался, на вылазку отправился в Межземелье – Мракомирских искать и головы им рубить, и как кочаны капусты на копья вдоль дороги сажать приграничной... но ненадолго его хватило. По ночам смех ее слышал и голос проклятый, глаза и ресницы пушистые мерещились, брови коричневые тонкие и носик крошечный. Пошел-таки к кузнецу.

Выковал ему кузнец перстень с глазом драконьим нияновским один в один – под стеклом магма оранжевая пенится и беснуется, как и у него в зрачках, когда на человечку смотрит.

Взяла перстень ЕГО Ждана и на палец надела. Он от ликования рык на всю Навь издал такой, что деревья повалились и листва осыпалась посреди лета. Не принадлежала с момента того больше миру людей. Оставалось весны дожждаться и забрать ее после невест Вийевских. И он ждал. Холодел и горел одновременно от одной мысли, что ему принадлежать

будет. Себе возьмет. Но не взял... с его-то счастьем, оно как всегда куда-то мимо пролетело да в братские руки утекло. Никогда не был зол на Вийя Ниян. Никогда не ревновал и не злился тому, что судьбы у них настолько разные, несмотря на то что оба сыновья Чернобога. Но пришло время, когда обожгло все тело изнутри кислотой огненной смертельной, когда летал между лодками, выбирая одну из невест, и голос ее слышал. Он бы его узнал, даже если бы марь на него ведьминскую напустили, и он оглох.

Подхватил лапами человечку и изнывал от едкого желания разжать когти и выпустить ее в Наводь, чтоб не слышать и не видеть никогда. Пусть вода сомкнется над ней и унесет тело на дно, и в илу схоронит, пусть юды ее сожрут. А он части тела выловит и сам закопает. Но не смог.

И вот стоит она перед ним, трепещет и дрожит, смотрит с ненавистью и ужасом, и запахом своим с ума сводит, а его трясет от ее близости и от глаз русалочьих цвета водорослей морских. Кожа бледная, едва солнцем подрумяненная и эти губы, от которых голову кружит и в горле дерет, как от жажды смертельной. Вблизи лицо ее впервые увидел, когда краска смазалась, и пожирал взглядом его диким алчно, жадно до рези в глазах. Красота у нее ослепительней солнца и ярче всполоха молний. Много он повидал их... не счесть сколько. Но только на этой его заклинило и не отпускало.

Князю до боли хотелось коснуться ее рта своим ртом, тереться о него своими губами и языком толкаться в горячую

мякоть, биться о ее язык. Отобразить аромат ее дыхания и пропитаться им самому насквозь. Но перед глазами вдруг возникали ошметки тел каждой, к кому прикасался, и едким разочарованием ошпаривало с ног до головы, а вместе с ним и пониманием, что его Ждана Вийю достанется. Что чужой суженой он на палец кольцо надел и про метку не подозревал.

Идиот несчастный каким-то злом проклятый или опутанный чарами ведьмы смертной. Ведь определенно с ней не так что-то, иначе откуда запах этот вожаденно сладкий? Он хотел ее. Невыносимо и бешено, как зверь жаждет крови или боли своих жертв, так сам Князь жаждал девку эту. И сам не знал, как эта жажда называется и как утолить ее, чтоб источник не иссяк, не пересох или не сломался. А еще до дрожи отдавать Вию не хотелось, до ломоты в костях и сжатых до хруста челюстях.

Бежать ей дал, чтоб наедине насмотреться и запахом ее надышаться подальше от глаз чужих. Дура прямо к обрыву побежала, леса живого испугалась, а тот ее на верную смерть погнал, чтоб душу себе заполучить и в кронах деревьев спрятать. Едва Нияна почуял, тут же ветки-лапы замерли и корни шелестеть перестали. И правильно сделали, не то сожжет дотла каждую древь, что дернуться посмеет. Как же невыносимо забрать ее захотелось себе. Сейчас же. Унести подальше и спрятать.

Дерзкая, своевольная и в глазах столько ужаса и ненависти, что ему окунуть ее надобно было и под водой подоль-

ше поддержать, чтоб спесь сбить. А когда вытащил и личико совсем рядом увидел, в зелень колдовскую ее взгляда погрузился – пошевелиться не мог. Схлестнулось золото с изумрудами, сплелось в диковинный узор ненависти и жажды звериной.

Не стала дрянь упрямая мыться при нем, в рубахе в воду зашла. Рукава спустила и вымылась до половины сверху, а потом, приподняв подол, и спереди. А он позади нее стоял и трясся от похоти и боли в паху вместе с чудовищным напряжением в каждой мышце натренированной, до бусин пота на коже. И когда вышла, выкручивая низ льняной рубахи, у него ком в горле застрял и жаром обдало – мокрая ткань все тело девичье облепила и соски острые обрисовала. От едкого желания коснуться их – пальцы свело, и они в кулаки с хрустом сжались. В голове пульсация снова появилась нарастанием сумасшедшего давления.

– Не пялься так, – проворчал Врожка, – заметят. Что с тобой делается?

– Вон пошел, – прошипел сквозь зубы и резко взгляд от человечки отвел. Но перед глазами все еще осталась грудь ее округлая, кверху вздернутая и соски тугие. Во рту слюна выделилась от желания губами их обхватить и языком обвести.

– Я-то пойду...

– Вот и иди, не путайся под ногами.

– Я к тебе девок сегодня приведу, а про эту забудь. Не зря говорят, что на лица их смотреть нельзя. Как обезумевший

ты, Князь. Сам на себя не похож.

– Изыди! Пока я тебя не удавил. Нет времени на девок. К воротам идти надобно.

Тряхнул головой так, что кольца зазвенели и хвост с тугими косами хлестнул между лопатками железными зажимами, а по коже едва заметно чешуя поползла, отливая розоватым золотом в лучах заходящего солнца. К бесам человечку проклятую. Все равно отдавать надобно.

Глава 5

*Как у ведьмы четыре крыла, платье до пола, ой,
до пола.*

*Свили гнезда в ее рукавах совы, соколы да
перепела.*

*Ай, дурная голова, в волосах листва, и руки
красны.*

*Просит беса незрячей луны, чтобы за зимой не
было весны.*

Мельница

Я узнала ее, ведьму старую, из той деревни, где мы праздник справляли. И хоть не была она на себя похожа в старых тряпках и дырявой косынке, а сейчас обвешана ожерельями и в сарафане расшитом с платком шелковым на седых волосах, я все равно ее узнала. И сердце глухо забилося, запульсировало в висках.

– Тыыыы! – вскрикнула я и бросилась к ней, но стража сцапала меня сзади за шкурку и потянула вверх. – Ведьма! Ты меня им сдала, да? Ты следила за мной?

– Уймите бесноватую. Царю покорные невесты нужны, а не эта бестолочь сварливая. Молчи. Хорош орать! Рот запечатаю звука не издашь!

Палкой-посохом о землю ударила, и мои стражи назад от нее шархнулись. А сама вокруг меня ходит туда-сюда,

осматривает с ног до головы.

– Буйная, но краса дивная. Не здешняя. Чужая краса. Волосы цвет свой меняют, как и положено в мире нашем. Сутки пройдут, Врожка, и надобно будет прятать лицо ее и косы даже от стражников. С ума она их сведет.

– Ты, ведьма старая, гадать мне не захотела. Видела я тебя. Ты меня им сдала. Ты, да? Ты что натворила? За что? Что я тебе сделала?

Я дергалась в руках стражников, а карлик и гадина даже не смотрели в мою сторону. Шептались, но мне все слышно было. Они это делали нарочито громко. И от этого страшно становилось.

– От Лиха ее схоронить надобно, чтоб не узрел, чудище похотливое, не то утянет лапами своими крюкастыми. Выкуп за проезд все равно давать-то надо.

Подошла ко мне. Грудь пощупала, лицо покрутила в разные стороны, живот потрогала, бедра, ягодицы...

– А ну придержите ее, уложите на траву и ноги раздвиньте. Меня, как травинку, пополам перегнули, навзничь опрокинули и колени в стороны развели. Я заверещала так громко, что самой уши заложило, а ведьма надо мной наклонилась и рукой между ног пошарила.

– Исцарапаю, глаза тебе выколю, змеюка! Не трогай меня! – от ужаса даже скулы свело и пальцы скрючило, вывернутые стражниками. Старуха на них лицо подняла и шепчет хрипло, жутко губами шершавыми даже на вид.

– Трава с мхом смешается, цветы в землю вrastут лестками, солнце померкнет... глаза видеть перестанут, уши слышать перестанут, уста говорить перестанут. Замерите!

И посохом по земле трижды ударила. Пальцы стражников окаменели на моих коленях мертвой хваткой.

– Впусти, не то испорчу, коли девка. И по рукам пойдешь, а не во дворец царский. Я убедиться должна, что товар хороший.

– Я тебе... аaaa... не товар. Не тронь, меня, ведьма проклятая.

Пелагея лицо, испещрённое морщинами, ко мне склонилась.

– Угомонись! Тебе же лучше будет. Не твой это мир, законы иные, и не люди мы все. Избрана ты. И судьба твоя сейчас решается в дороге этой. Отбор естественный жесткий – у меня таких чертова дюжина, и далеко не все доедут до дворца царского. В земле схоронят их – кого целиком, а кого по частям. Хочешь себе доли такой? Помереть в Межземелье бесславной человечкой без рода и без имени? Али попробуешь трон занять рядом с царем нашим? Не желаю зла тебе и больно не сделаю.

Трон мне ваш на фиг не нужен, а вот умирать не хотелось. Совсем. Страшно она говорила так, что по коже паутина липкая ужаса растягивалась. И глаза ее черные красными точками в зрачках светились, как у волчицы дьявольской в ночи. Но от чего-то поверила я ей, что зла не причинит, и

перестала биться, и позволила ей себя ощупать, губу закусила, когда ее холодный палец внутрь скользнул. А ведьма с колен поднялась и к воде пошла, руки сполоснула.

– Девка она. Веди к остальным, пусть вымоется да переоденется. Голубое ей все приготовь, золотом расшитое. Лазурянка ее назовем. Гляди, волосы какие становятся. Цвет свой меняют.

– Не Лазурянка... Ждана я.

Ведьма глазами зыркнула, и снова зрачки красным сполхнули.

– Умная какая выискалась. Кто сказал, что имя сама себе выбрать может?

Врожка пожал плечами.

– Ждана так Ждана. Уводите.

И я наконец-то увидала девушек, о которых все говорили, и так странно стало, что раньше ни звука от них не слышала и не видела ни разу, а оказывается, они совсем рядом в воде плескались голышом. Едва меня завидев, замолчали, рассматривая. Странно рассматривая, словно я чем-то от них от всех сильно отличаюсь. Зашептались и снова смотрят. Приветствовать не торопятся, а мне и не надо. Я не из тех, что друзей везде ищут. Я больше любила в одиночестве, с Лизкой тоже случайно сдружилась, и то она нашу дружбу и поддерживала. Не умею я дружить. Слушать могу, рядом быть, а веселиться и развлекать плохо умею, иногда невпопад смеюсь, иногда говорю лишнее в глаза.

Отошла от них и воду на себя из ковша вылила. Вокруг ног водоросли обмотались, но я решила в панику не впадать. Мелко здесь и девушки рядом. Ничего не случится со мной. Не утащат на дно.

– Царь, как космы ее страшные увидит, тут же ее в яму бросит. Тоже мне конкурентка. Врожка, как всегда, пугал нас.

– Та ну, неправда. Красивая она. Волосы голубые, как у русалок рисуют, и тело белое, солнцем нетронутое.

Ярко-рыжая девушка бросила на меня быстрый взгляд. А я нахмурилась и в воду посмотрела. Наверное, я вскрикнула, потому что они расхохотались.

– О, волосы свои увидела. Эй, человечка, так всегда бывает. Вы тут страшными становитесь! Не светят тебе царские объятия!

– Забава! Прекрати!

А я на свое отражение смотрю и губами шевелю, пальцы волосы трогают, и в груди дыхание застряло – ни вдох, ни выдох сделать не могу. Еще несколько часов назад они были золотистыми, а сейчас светло-голубыми, почти белыми, я к лицу пряди поднесла, рассматривая, намочила, потерла и снова смотрю – цвет стал ярче и насыщенней. О боже, что ж это за место такое, неужели мне, и правда, все это не снится?!

Бросилась за кусты, чтоб они не смотрели на меня и не смеялись.

– Эй! Человечка! Мойся быстрее, а то скоро Врожка с во-

ды выгонит. Так и будешь тиной вонять!

Я осмотрелась по сторонам и снова ополоснулась водой. И чем мне мыться, у меня только ковш. Ни мыла, ни шампуня. Только подумала, по воде бутыль подплыла. Да, Пелагея давала с собой, а я, когда раздевалась, на берегу оставила.

«Ждана». Сама не знаю, зачем именем этим назвалась, оно в голове прозвучало в этот момент, и я его и сказала. Снилось оно мне. Открутила крышку с бутылки, понюхала жидкость – цветами пахнет диковинными. Щиколотки снова опутали водоросли, но я уже и внимания не обратила, на голову из бутылки жидкость вылила, моля бога, чтоб дурацкая голубая краска смылась. Как вдруг ощутила скольжение по телу прямо под водой. Замерла с поднятыми к голове руками, и глаза открыть не могу, мыло зайдет. Сзади всплеск слышался, словно что-то большое из-под воды вынырнуло. От страха дышать стало нечем.

– Так и стой, и глаза не открывай.

Голос зазвучал внутри головы, а не в ушах. Тот самый, что имя мне придумал. Хотела вскрикнуть и не смогла, словно удавкой горло стянуло и ни звука не вышло. Тяжело дыша, застыла вся в мыле, дрожащая от страха и от ощущения полной беспомощности. По ноге кто-то ладонью ведет, и я сама дыхание сзади слышу. По ягодицам вверх к пояснице чем-то острым, по позвоночнику к затылку.

«Рук не опускай... Да, вот так. Не шевелись, Ждана».

И голос этот дрожь во всем теле вызывает, вибрирует где-

то внутри струнами тонкими, и в тот же момент сбросить чары хочется, и страх сковывает все тело. Пальцы скользят по талии к груди прохладные, дразнят соски. Внизу живота начинает трепыхаться что-то невиданно острое и мощное, оно отдает к скрещенным и сжатым ногам.

«Красивая, Ждана, смертельно красивая человечка с ла-
зурными волосами. Ты меняешься и еще краше становишь-
ся. Так бы и смотрел вечность на тебя»

«Кто ты?»

«Не важно... тебе нравится, когда я прикасаюсь к тебе?»

«Нет!»

«Лжешь, маленькая человечка. Тебе нравится. Особенно
вот так»

Сжал соски, и я приоткрыла рот. От кончиков груди рез-
ким прострелом возбуждения вниз так, что запульсировала
плоть.

«Маленькие, острые, тугие».

«Не смей!»

«А кто мне запретит? Ты?»

Пальцы скользнули между ног и, раздвинув складки, по-
гладили, и я внутренне взвилась вся, а тело заныло от попыт-
ки пошевелиться. Тщетной, как и попытка вскрикнуть.

Трение прохладной кожи подушечки пальца о выпираю-
щий острый клитор, и я чувствую, как под закрытыми века-
ми жжет то ли от мыла, то ли от слез.

«Мерзко... мерзко мне. Не прикасайся!»

«Как же сладко ты лжешь».

Скользит между складками прямо внутрь и трепыхается у самого входа, и я внутренне трепыхаюсь от каждого движения. Задыхаясь от ненавистного удовольствия и понимания, что даже не вижу ублюдка, посмеявшегося так нагло трогать меня под носом у стражей, Врожки, Монстра и ведьмы. Ощущая, как нарастает ураган внутри. Незнакомый, такой болезненный и сильный, как надвигающийся смерч с огненными искрами.

Раскаленными кольцами вьется адское удовольствие между ног там, где палец умело и настойчиво выписывает одинаковые круги. Вся краска к щекам прилила, а пошевелиться не могу. А он дразнит, сжимает пульсирующими движениями, заставляя выгнуться в немом крике, и, сильно сжав ноги, замереть перед тем, как забиться в оргазме.

Выгнувшись в пояснице и запрокинув голову, дрожать в судорогах невыносимого наслаждения, сжимая его палец бесшумно сокращающейся плотью и чувствуя, как слезы градом катятся по щекам.

«Ждана моя, красивая, сладкая... хорошо тебе?»

«Отвратительно! Ужасно! Кто ты? Тело насиловать и прятаться от глаз. Испугался?»

– Все на берег вышли.

И тут же тело отпустило и голос вернулся. Выдохнула, всхлипывая, закрывая грудь руками, оглядываясь по сторонам – никого. Только в кустах что-то закопошилось, и хвост

длинный исчез за листьями, или показалось мне. Словно привиделось все... но тело еще сладко ноет и дергает плоть отголосками наслаждения.

Я к берегу побежала, плотно льняное схватила и тут же обмотала вокруг тела.

– Ты чего дрожишь, смертная? Вода теплая.

Обернулась, а на меня карлик не моргая смотрит.

– А ну наклонись, лоб потрогаю. Лихорадки нет? Чего щеки красные, губы пунцовые?!

А мне мерзко сделалось от мысли – вдруг это он меня трогал или стражник вот тот здоровый! Или вон тот с глазами красными. Но сказать Врожке побоялась. Вспомнила слова Пелагеи да и самого карлика о том, что трогать и смотреть нельзя. Кто знает, что мне за это могло быть.

«Правильно. Зачем им знать наши тайны, Жданаа моя?»

«Не твоя! Ничья я! И тайн у меня с тобой нет никаких!»

– Одевайся. Уезжаем мы! Завтра уже границу с Межземельем пересечем.

Глава 6

*Зов крови
На броне драконьей
Полыхнуло солнце
Зов крови
Давно ли ты понял
Что никто не вернется*

*На великой охоте
Начинается день,
Пляшет солнечный знак
На струне тетивы
За спиною бесшумно
Стелется тень
В переплетенье
Из жесткой травы*

Мельница

Дальше нас в повозке везли, загнали всех в крытую кибитку, запряженную двумя лошадьми, и по обе стороны от повозки охрана вышагивает. Топот их сапог слышно так отчетливо, что кажется под ними земля дрожит. В дороге все притихли, и я не знала от чего глаза у девушек округлились, и все они молча переглядываются, словно боятся. И я, как не от мира сего, не знаю, что там впереди нас ждет. Чем дальше, тем темнее становится, а ведь день еще не закончился, не так долго едем, и солнце в зените в самом было, когда нас

всех под полог загоняли. Воздух становится насыщенно вязким, как будто серой отдает и болотами топкими, страшными. Всегда водной заводи боялась, а этой люти и подавно. За мешковиной повозки факелы вспыхнули. Я, конечно, пытаюсь называть то, что вижу вокруг себя, так, как привыкла, как знаю из учебников и вообще исходя из личного опыта, но, к сожалению, тот материал, из которого сделана крыша повозки, да и тот, из чего сшита одежда воинов, мне неизвестны.

– К перепутью приближаемся, Ниян?

Голоса вывели из оцепенения и задумчивости.

– Не знаю. Сигнального костра нет на берегу.

– А ты уверен, что раньше-то огни эти были, а не обманки?

Ощущение, что я все еще сплю, вернулось с прежней силой. Все эти разговоры об огнях, о вещах, которые, казалось бы, не существуют в наше время, продолжали вводить в ступор.

– Уверен. Окружите повозку, и идем за мной шаг в шаг. Ни одного звука. Не нравится мне тишина эта замогильная.

Кто-то из девушек всхлипнул.

– Боязно как... и холодно.

– Молчи. И так страшно до лихорадки, а еще ты тут зубами стучишь и беду кликаешь.

– Лихо боюсь... говорят, как выкуп запросит – не отдашь, утопит в топах живьем. Не все невесты до места назначения

доезжают... мне бабка рассказывала, как в дорогу собирала. Лихо девок себе отбирает. А потом их тела находят в черной заводи без внутренностей. Он их сначала...

– Молчи! Много болтает бабка твоя. Почует кто, несдобровать ей будет.

– Тшшш... там... вой какой-то. Мамочкииии.

Я тоже слышала, и по коже мурашки пошли. Страшный звук ни на один не похож, всю радость вытягивает из души и из тела, от ужаса пальцы немеют и волосы начинают шевелиться на затылке. Что это, господи? Какие еще твари притаились в этой жути? Вроде на вой волков похоже, но намного грубее, как не вой, а рык с завыванием. И силу имеет звук этот невероятную, цепенеть все тело заставляет.

– Мракомирские псы... – прошептал кто-то, – это... это Мракомир. Рядом он, колдун проклятый.

– Тихо ты.

– Обманники, князь. В ловушку завели. Мракомир-сука, вражья его душа, заманил, али предал нас кто?

– Не ной, Врожка. Выберемся.

– У нас воинов мало, не выстоим против колдуна проклятого.

– Выстоим, я сказал. Уйдем сейчас через мост.

– Не успеем, нынче солнце быстро спрячется, повозка тяжелая по тонким горящим доскам не проскочит.

По каким горящим доскам? Мы где вообще? Вздогнула и осмотрелась по сторонам, все сидят и в темноту глазами,

расширенными от ужаса, смотрят. Вой становился все отчетливей, и земля начала подрагивать от приближения чего-то необратимого и ужасного. И кажется, никто из девушек то ли не слышит их, то ли не понимает. Или впали в какой-то транс.

– Будем проскакивать через мост. Девочек из повозки забрать. Повозку бросить.

В ту же секунду полог откинулся, и нас начали по одной вытаскивать наружу. От сильного запаха серы я задохнулась и закашлялась, в глаза дым едкий влез и заставил зажмуриться. Чьи-то руки подхватили за талию и вверх подняли. Ощутила себя в седле и... и вдруг запах уже знакомый в ноздри забился, заставив сердце несколько раз дернуться. Тяжелая ладонь легла на живот и к сильному телу прижала. Я глаза распахнула, и их снова резануло едким дымом.

– Зажмурься, человечка, и не дергайся. Чем крепче держаться за меня будешь, тем больше шансов, что с седла в огненную пасть Нави не свалишься.

А сам меня к себе прижимает, сильнее и сильнее, так, что дышать больно и от страха все внутри клокочет. И не только от страха... я этот голос узнала. Он... он, это он меня трогал в озере. Только в голове моей звучал иначе, чем сейчас... как два разных. Но одному принадлежат. Князю Нияну.

Дернулась, но меня сжали с такой силой, что дышать стало нечем.

– Задержи дыхание, смертная. Не то задохнешься.

Конь под нами начал метаться, словно под ним зыбкость какая-то, дергается, и меня с силой подбрасывает в седле. Страшно до жути, и я все сильнее впиваюсь в руку князя ногтями. Вой раздается совсем близко, и меня к седлу пригибает, в воздухе свист раздается, и кто-то глухо стонет позади, рычит. Я глаза распахнула и от ужаса закричать хотела и не смогла. Перед моим лицом пастью клацнула жуткая облезлая до костей и мяса тварь с выпученными красным глазами. На клыках слюна нитками блестит, и язык выписывает круги, а на нем шипы вибрируют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.